

УДК 811.512.1:811.512.157-112.2-115=161.1
DOI 10.51955/2312-1327_2021_4_149

ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

*Иннокентий Николаевич Новгородов,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
доктор филологических наук
член диссертационного совета Д 003.076.01 на базе ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»,
ул. Петровского, 1
Якутск, 677027, Россия
i.n.novgorodov@mail.ru*

Аннотация. На основе использования опыта предшествующих систематизаций и достижений новой научной парадигмы автор поддерживает сторонников многочленной классификации тюркских языков. Ранее был установлен отдельный якутский классификационный тип (таксон) в одном ряду с чувашским, огузским, карлукско-уйгурским, кыргызо-кыпчакским, урянхайским. Причём таксоны возникли в пратюркском языке. В якутском языке выявляются основные периоды: 1) пратюркское время: до I века до н.э., Монголия, возникновение якутского классификационного типа; 2) древнетюркское время: с I века до н.э., Монголия до X века н.э., Циркумбайкальский регион, древнеякутский язык; 3) Средневековье: с X века, Циркумбайкальский регион до XVII века, Якутия, среднеякутский язык; 4) Новое время: с XVII века, Якутия до современной Республики Саха в составе Российской Федерации, якутский язык.

Ключевые слова: идентичность якутов, генетическая многочленная классификация, устойчивый словарный фонд, гаплотип, европеоидная генетическая примесь, периодизация якутского языка.

THE YAKUT LANGUAGE IN GENETIC CLASSIFICATION

*Innokentiy N. Novgorodov,
orcid.org/0000-0002-9378-0987,
Doctor of Philological Sciences
a member of specialized council for doctoral dissertations D 003.076.01 on the base
of the Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Petrovsky st, 1
Yakutsk, 677027, Russia
i.n.novgorodov@mail.ru*

Abstract. Based on the use of the experience of previous systematizations and the achievements of the new scientific paradigm, the author supports the adherents of the polynomial classification of the Turkic languages. Earlier, a separate Yakut classification type (taxon) was established along with the Chuvash, Oguz, Karluk-Uygur, Kyrgyz-Kypchak, and Uryankhai. Moreover, taxa arose in the Pra-Türkic language. In the Yakut language, the main stages are revealed: 1) the Pra-Türkic time: up to the 1st century BC, Mongolia, the emergence of the Yakut classification type; 2) ancient Turkic time: from the 1st century BC, Mongolia before the 10th century A.D., Circumbaikal region, the ancient Yakut language; 3) Middle Ages: from the 10th century, the Cirkumbaikal region to the 17th century, Yakutia, the Middle Yakut language; 4) New time: from the 17th century, Yakutia to the modern Republic of Sakha within the Russian Federation, the Yakut language.

Key words: Yakut identity, genetic polynomial classification, the Leipzig-Jakarta list, haplotype, Caucasoid genetic admixture, periodization of the Yakut language.

Introduction (Введение)

Актуальность темы можно сформулировать мнением Г. Дёрфера: «Определённую трудность представляет положение якутского языка. В Турции общепринято, что тюркские языки распределяются на три группы: чувашский, якутский и остальные. К. Грэнбек зашел настолько далеко, что произвольно относит якутский к южносибирским языкам для того, чтобы, как он мне сказал, вывести его из мистической изоляции. Оба взгляда отражают впадение в крайность» [Doerfer, 1978, S. 15].

Якутский является родным языком якутов (самоназвание – *саха*, мн. ч. *сахалар*). Они являются коренным населением Северо-Востока Азии и представлены в бассейнах р. Лена и рек Арктики: Анабар, Оленёк, Яна, Индигирка, Алазея, Колыма. Якуты проживают, главным образом, в Республике Саха (Якутия), а также в Иркутской, Магаданской областях, Хабаровском и Красноярском краях. Язык *саха* имеет литературную форму, диалектологически реализуется в акающем и окающем ареалах, проявляет относительную сохранность в условиях новейшего времени, эпохи современной глобализации и научно-технической революции. Примечательно, что якутский считают родным 479096 человек, то есть фактически якутами являются больше людей этой национальности, чем официально зарегистрировано, сравни 478085. Якутским владеют 450140 человек, в то время как из 478085 якутов русским, государственным языком России, – 428280. В Якутии из 466492 якутов русским языком владеют 416780 человек. Для якутов родной язык является важнейшим элементом идентичности, которая находит государственную поддержку в виде статьи 46 Конституции: государственными языками Республики Саха (Якутия) являются язык *саха* и русский язык. Языки коренных малочисленных народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов. Прилагаются усилия общественности и государства для развития системы подготовки специалистов и аттестации кадров, которая должна обеспечивать выполнение статьи 46 основного закона Республики Саха (Якутия), включающей и диссертационный совет по якутскому языку. Совет является высшим уровнем в иерархии системы подготовки и аттестации специалистов для научной и образовательной сферы; рекомендует органу государственной власти присуждение учёной степени; осуществляет научное и кадровое обеспечение государственного языка. Следует отметить, что в последнее время, в связи с невозможностью функционирования совета при ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», начиная с осени 2021 г., наблюдается отсутствие защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)» в г. Якутске. Нужно отметить, что и ранее происходили перебои в работе совета. Вследствие этого, время от времени прекращалось систематическое широкомасштабное обновление докторов и кандидатов наук

для предприятий науки и высшего образования, то есть тех организаций, где готовятся кадры для общеобразовательных школ, среднего специального образования, детских дошкольных учреждений и различных областей общественной жизни якутов. Из-за указанных процессов обнаруживается отрицательная динамика в виде утраты идентичности: 5,5% якутов считают родным языком русский [Алексеев и др., 2012, с. 131]. 71959 (15,05%) якутов не владеют родным языком. Следовательно, происходит размывание сущности государственности Республики Саха (Якутия), которая закреплена в Конституции в статье 1, часть 1: «Республика Саха (Якутия) является демократическим правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение» и часть 2: «Республика Саха (Якутия) имеет свою территорию, население, Конституцию и законодательство, систему органов государственной власти, а также государственные символы и государственные языки». Замечу, что статьи Конституции имеют силу обязательного исполнения. В решении насущной проблемы совета в г. Якутске необходимо объединение усилий политического руководства Республики Саха (Якутия) и лингвистов, равнодушных к судьбам якутского языка, а также представителей бизнеса и общественности, стремящихся к процветанию якутской культуры. Несмотря на имеющиеся трудности якутский язык активно функционирует в традиционных верованиях и хозяйстве: животноводство, коневодство, собирательство, охота и рыболовство. Так как жизнедеятельность значительной части якутов происходит в условиях городской и промышленной цивилизации, то язык используется в политике, науке, искусстве, литературе, образовании, добывающей промышленности, транспорте, юриспруденции, средствах массовой информации и т.п. Для того, чтобы якутский язык функционировал как государственный, необходимо проведение научных исследований, в том числе фундаментальных. Например, по теме этой статьи, вскрывающей основные этапы развития якутского языка. С опорой на данные якутского языка, добытые на базе сравнительно-исторического языкознания, можно обнаружить связи якутов, происходившие до появления русских письменных источников XVII века о Якутии и культуре народа *саха*. Исследования в этой области способствуют развитию идентичности. Для установления места якутского среди тюркских языков необходимо рассмотреть предшествующий опыт их классификации.

А.М. Щербак в своём обзоре указывает на огромное количество систематизаций [Щербак, 1994, с. 12]. Тюркологом рассмотрены подходы по современным и древним языкам И.Н. Березина, В.В. Радлова, Ф.Е. Корша, А.Н. Самойловича, Г.И. Рамstedта, Ю. Немета, М. Рясенена, Н.А. Баскакова, Р.Р. Арата, И. Бенцинга, К.Г. Менгеса, С.Е. Малова, Г. Дёрфера, Т. Текина, А. Габен, Д. Синора. В современности, В. Блажек в своём кратком обзоре классификаций тюркских языков указал, что первая систематизация была выполнена И.Х. Аделунгом, в 1806 году. В. Блажек рассмотрел кроме взглядов И.Х. Аделунга суждения И.Н. Березина, В.В. Радлова, А.Н. Самойловича, Н.А. Баскакова, К. Г. Менгеса, Л. Юхансона, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, группы

авторов: Харальд Хаммарстрём, Роберт Форкель, Мартин Хаспельмат и создателей сайта этнология (Ethnologue) [Blažek, 2019, p. 80-90].

Чтобы не происходило увеличение объёма данной статьи, целесообразно отсылать читателя к обзорам А.М. Щербака и В. Блажека, где представлены систематизации. Рассмотрим подходы и классификации (с указанием важнейших групп языков, а не самих многочисленных конкретных языков), не учтённые авторами указанных обзоров. Основоположник антиалтаизма и научной тюркологии, О.Н. Бётлингк выдвинул идею о том, что якуты первые отделились от единой праякутско-турецкой семьи и тем самым противопоставил якутский всем тюркским языкам [Бётлингк, 1990, с. 44, 45, 51]. Н.Н. Поппе рассматривает чувашско-тюркские языки и представляет бинарную классификацию дотюркского: а) прачувашский, развившийся в чувашский, и б) общетюркский, эволюционировавший во все остальные, которые подразделяются на: I) якутский, II) тувинско-хакасский, III) кыпчакский, IV) чагатайский, V) туркменский [Porre, 1965, p. 33-53, ср. Porre, 1955, p. 15]. А. Рона-Таш выделяет ветви: I) чувашскую с диалектами: вирьял и анатри; II) кыпчакскую или северо-западную; III) огузскую или юго-западную; IV) халаджскую или южную; V) туркестанскую или восточную; VI) сибирскую или северную; VII) якутскую (с долганским диалектом) [Rona-Tash, 1991, p. 31-32]. М. Роббитс считает, что *тюркский* праязык разделился на две промежуточные ветви. В первой помещается *огурский*, во второй – *общетюркский*, распавшийся на *кыпчакский*, *огузский*, *уйгурский*, *сибирский*. Последний дивергировал на идиомы: южную и северную, из которой возникли якутский и долганский. В классификации представлена временная шкала образования тюркских языков, начиная с 100 года до н.э. и по настоящее время [Robbeets, 2015, p. 11].

Обзор работ А.М. Щербака, В. Блажека, подхода О.Н. Бётлингка и систематизаций Н.Н. Поппе, А. Рона-Таша и М. Роббитс приводит к выводу о том, что проблему классификационного статуса якутского языка учёные пытались решить по-разному и исчерпали все возможные варианты. Например, решение проблемы было представлено путём: 1) игнорирования приобщения якутского к тюркским языкам наряду с чувашским (например, И.Н. Березин, В.В. Радлов); 2) противопоставления якутского всем тюркским языкам и идеей о том, что якуты первые отделились от единой праякутско-турецкой семьи (например, О.Н. Бётлингк); 3) разделения пратюркского на две общности: якутско-чувашскую и все остальные языки (например, Ю. Немет); 4) выделения якутского в отдельную группу (например, Г.И. Рамстедт, М. Рясянен, Р.Р. Арат, К.Г. Менгес (1959), Т. Текин, А. Рона-Таш, А.М. Щербак); 5) разделения пратюркского на две общности: *чувашскую* (относящуюся к древнебулгарскому) и *общетюркскую*, включающую *якутский* (развившийся из северосибирской группы, содержащей также долганский); *центральносибирский*; *кыпчакский*; *огузский*; *туркестанский*; *халаджский* (например, Харальд Хаммарстрём, Роберт Форкель, Мартин Хаспельмат, ср. Г. Дёрфер, М. Роббитс). Учёные в России и на Западе различным образом

понимают классификацию тюркских языков, а следовательно, и место якутского в ней.

Materials and methods (Материалы и методы)

Поскольку мы имеем дело с традицией сравнительно-исторического языкознания в России, то в изучении классификационного статуса якутского кроме собственно языковых фактов необходимо предоставить и материальные, связанные с самими якутами, отвечающие принципу историзма. На мой взгляд, выделяется три периода сравнительного изучения якутского языка: I период (1851-1916 гг.). Известно, что впервые якутские числительные, список из 35 слов и молитву «Отче наш» опубликовал Н. К. Витсен в XVII веке в труде «Noord en oost Tartarye» («Северная и восточная Тартария», 1692 г.). Из записей Н. Витзена становится ясным, что мы имеем дело со вполне сформировавшимся якутским языком, различающимся от среднеякутского и древнеякутского. О.Н. Бётлингк в труде «О языке якутов», кроме идей о происхождении якутов и их языка, представил воспоминания А.Я. Уваровского, грамматику и словарь. В.В. Радлов, также отрицавший родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, выдвинул тезис о языковом сдвиге у якутов. Язык был первоначально не тюркским, затем подвергся монголизации и тюркизации [Radloff, 1908, S. 2]. Ю. Немец, также отрицавший родство алтайских языков, изучал происхождение первичной долготы гласных на материале якутского. Э.К. Пекарский начал публикацию «Словаря якутского языка» с указанием этимонов. Исследования по якутскому языку, имеющие сравнительный материал, были представлены трудами С.В. Ястремского и др. В. Серошевский в труде «Якуты» приводит языковой материал и отстаивает, по существу, взгляд О.Н. Бётлингка. Археология Якутии сделала свои первые робкие шаги. В этот период якуты и их язык стали известны в Новом времени из сведений русских источников, заложены фундаментальные основы изучения не только якутского языка, но и самой тюркологической науки. Нашли обоснование два разных подхода в изучении конкретного языка: его включение в классификацию и его исключение из систематизации. II период (1917-91 гг.). Н.Н. Поппе написал грамматику якутского языка. Якутские сравнения представлены авторами сравнительно-исторических грамматик тюркских языков, различных этимологических словарей, специальных исследований по тюркским и др. языкам в России и на Западе, например, в трудах А.М. Щербака, Э.В. Севортяна, московских тюркологов, М. Рясенена и др. Материал якутского сравнивается с тюркским и не тюркским в специальных исследованиях С. А. Новгородова, А.Е. Кулаковского, Л.Н. Харитонова, С. Калужинского, Дж. Крюгера, Н.К. Антонова, Н.Д. Дьячковского, П.П. Барашкова, Е.И. Коркиной, Е.И. Убрятовой, В.И. Рассадина, П.А. Слепцова, П.С. Афанасьева, Г.В. Попова, М.С. Воронкина, Ю.И. Васильева и др. Много интересных данных было получено этнографами, археологами, использовавшими филологические сведения. Здесь необходимо упомянуть Г.В. Ксенофонтова, А.П. Окладникова, развивавших, по существу, взгляды О.Н. Бётлингка. Необходимо отметить и работу И.В. Константинова,

применившего комплексный междисциплинарный подход в изучении происхождения якутов и их языка. В это же время развиваются и взгляды В.В. Радлова в новом ракурсе в трудах этнографа С.А. Токарева, утверждавшего о переходе на тюркскую культуру аборигенов Якутии. Этот период характеризуется всеобщей кульминацией сравнительно-исторического исследования якутского языка и языков, генетически с ним связанными, в связи с грандиозной задачей построения коммунистического общества в СССР. III период (1992 . – настоящее время). Якутский сравнительный материал представлен, например, в трудах С.А. Старостина, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака, М. Роббитс и др. Продолжались сравнительно-исторические исследования якутского языка М.П. Алексеевым, С.А. Ивановым, Н.Н. Широковой, А.Е. Аникиным, М. Стаховским, И.Н. Новгородовым, Л. Кароли, Г.Г. Левиным и др. Издан «Большой толковый словарь якутского языка» с указанием этимонов. Изданы генетические материалы по якутам Б. Пакендорф и автором этих строк совместно с другими учёными. Якуты и их язык рассматриваются как объекты, имеющие генетические и лингвистические связи с древнейшими номадами Центральной Азии. В этом направлении работает В.В. Фёфелова, С.А. Фёдорова, Э. Крюбези и др. Археологические материалы по якутам представлены трудами Гоголева А.И. В этот период происходит размежевание дивергентного и конвергентного подходов в изучении якутского языка на базе высокотехнологичных методов, возникших в связи с успехами языкознания и популяционной генетики.

В настоящее время обсуждается новая научная парадигма, обусловленная много- и междисциплинарным исследованием, включающим современные достижения сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики. О сравнительно-историческом языкознании имеются многочисленные сведения в различных трудах прошлого и настоящего. Широко используются методы: сравнительный, ареальный, типологический. Сравнительно-историческое языкознание тесно связано с историей конкретного народа. Последняя обычно изучается по письменным источникам, данным археологии и антропологии, но в самом языке запечатлены факты доисторических связей носителя конкретного языка. Однако все данные об обществе находились и находятся в постоянно текущем состоянии, в постоянном движении в зависимости от изменяющихся конкретных материальных, биологических, культурных и иных условий жизнедеятельности популяций *homo sapiens*. Но вместе с тем, в нём самом имеется область, где все его данные, связанные с его прошлым, остаются в неизменном виде. Этой областью является его генофонд. Изучением этой сферы человека занимается популяционная генетика, обладающая своим популяционно-статистическим методом и процедурой исследования в отборе доноров, согласно данным языкознания и этнографии, в целях установления гаплотипа, гаплогруппы, примесей. С учётом много- и междисциплинарного подхода я обратился к современным подходам, использующим высокотехнологичные методы, изложенным Б. Комри [Комри, 2000] и реализованным по отношению к языкам алтайской общности коренных народов Якутии и Дальнего Востока

[Novgorodov et al., 2020a; Новгородов, 2021a, б]. Были приняты во внимание устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) [Tadmor, 2009, с. 55-75] и генетический анализ современных популяций homo sapiens. Данные достижения используются в целях выяснения классификационного статуса якутского языка, учитывающего идеи как древовидной модели (дивергенция), так и факты заимствования языков (конвергенция) [Новгородов, 2021a, б].

Ранее в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда был изучен устойчивый словарный фонд тюркских языков (The Leipzig-Jakarta list) [Новгородов, 2016] и проведён международный научный симпозиум «Устойчивый словарный фонд тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований» в г. Москва, в 2016 году [Новгородов, 2017]. Необходимо отметить, что после публикации моей монографии «Устойчивый словарный фонд тюркских языков» в 2016 году работа была продолжена.

Discussion (Дискуссия)

Вопросы классификации родственных языков имеют прикладное и теоретическое значение, так как классификация не только схематизированный показ сложившегося к определённое время распределения генетически связанных языков, но и путь к выяснению обстоятельств, связанных с таким распределением [Щербак, 1994, с. 12].

Существует несколько подходов к генеалогической классификации, например: эмпирический и логический.

Логический подход был изложен Э. Бенвенистом. Он отметил, что даже современная генеалогическая классификация при всем своем эмпиризме уже использует логику [Бенвенист, 1963, с. 55]. И предложил свои соображения, которые дают представление о том методе, при помощи которого можно построить логическую модель классификации, даже такой эмпирической, как генеалогическая [Бенвенист, 1963, с. 57]. Вначале предлагается сделать два допущения: во-первых, надо признать, что форма есть лишь возможность структуры, а во-вторых, разработать общую теорию языковой структуры (И.Н. о том, как понимается автором структура см.: [Бенвенист, 1974, с. 60-66]), а затем исходить из опыта [Бенвенист, 1963, с. 55]. В подходе представлена следующая последовательность: провансальский > галло-романский > общероманский > итальянский > индоевропейский, которые являются некоторыми классами языков. Порядок классов определяется объемом и содержанием соответствующего понятия. Так, оказывается, что индивидуальное понятие «провансальский язык» имеет наименьший объем и наибольшее содержание и тем самым отличается от понятия «индоевропейский язык», которое имеет максимальный объем и самое бедное содержание. Между этими двумя полюсами располагаются остальные классы, для которых объем и содержание понятия находятся в обратном соотношении, так как каждый класс обладает, помимо своих собственных признаков, всеми признаками высшего класса. Некоторый промежуточный класс будет иметь больше признаков, чем предшествующий ему класс, включающий большее число объектов, и меньше

признаков, чем следующий за ним класс, включающий меньшее число объектов [Бенвенист, 1963, с. 56]. В самом деле здесь речь идёт об анализе количественного соотношения сходств и различий в полярных и промежуточных классах языков, ср. 1) «провансальский» и «индоевропейский» два полярных класса языков, между этими двумя полюсами располагаются остальные классы; 2) промежуточный класс будет иметь больше признаков и так далее.

Напротив, А.М. Щербак отметил, что бесполезно прилагать усилия к тому, чтобы разграничение языков носило характер сбалансированной и строго упорядоченной системы [Щербак, 1994, с. 21]. И далее, со ссылкой на опыт А.Н. Самойловича, категорически заявляет: «стройной классификации тюркских языков быть не может, она неизбежна получится громоздкой. Стройную классификацию можно создать искусственно, но практическая ценность её будет ничтожной» [Щербак, 1994, с. 21].

Вместе с тем, не строя непреодолимой преграды по имеющимся логическому и эмпирическому подходам, можно синтезировать оба, используя метод восхождения от конкретного к абстрактному и обратно. Тем более, что для этого современная наука выработала соответствующую методологию.

А.М. Щербак поддерживает идею А.Н. Самойловича о том, что успех классификаций будет предопределён в зависимости от степени изученности как древних, так и современных языков, но вместе с тем подчёркивает, что в настоящее время накоплены достоверные факты, позволяющие относить тюркские языки к тем или иным классификационным типам [Щербак, 1994, с. 21]. Лингвист оценивает классификацию А.Н. Самойловича как лучшую [Щербак, 1994, с. 14], в которой были установлены основные современные классификационные тюркские типы [Щербак, 1994, с. 21]. Языковед 1) серьёзно возражал против признака новизны/архаичности С.Е. Малова; 2) уточняет, что в классификации не удастся совместить древние и современные языки, так как древний язык может быть пережитым состоянием современного, также материалы древних и современных языков не равнозначны, неодинаковы по объёму и не равноценны; 3) утверждает, что тюркологи придерживаются разных подходов в объяснении одних и тех же явлений; 4) обсуждает идеи В.В. Радлова, поддержанные А.Н. Самойловичем по разграничению языков по эпохам; очевидно, что здесь речь идёт о принципе историзма: внесении временной шкалы в классификацию и отражение пространственного размещения идиом с учётом политической формы организации их носителей; 5) делает замечание о недостаточной опоре на собственно языковые факты в различных систематизациях [Щербак, 1994, с. 14, 15, 20, 21, 22, 23].

Основу классификаций представляют дифференциальные и диагностические признаки, которые устанавливаются эмпирически, по мере углубления знаний о языках. Однако впоследствии, принимая во внимание эмпирические данные, необходима их теоретическая проверка и уточнение с позиций современной методологии. Дифференциальные и диагностические

признаки являются базисом для выявления классификационного типа, учёт их совокупности является классификацией семьи языков.

Примечательно, что классификация А.Н. Самойловича содержала только фонетические разграничительные признаки. Тюрколог дифференциальными признаками считал: ротацизм, т.е. озвончение $c(z) > p$ (*токкус(z) > таххӑр* числительное 'девять'), характер рефлексов интервокального -д- (-*ǰ*) (*адак* 'нога'), судьбу: а) конечного *ɟ* в односложных словах (*таɟ* 'гора'), б) *ɟ* в многосложных словах после гласного (*сарыɟ* 'желтый', *атлыɟ* 'конный') и согласного (*калɟан* 'оставшийся'), сохранение в глаголе *бол-* 'быть, становиться' начального *б-*. Признаки были выявлены на базе установления регулярных фонетических соответствий, доказывающих родство тюркских языков. Классификация А.Н. Самойловича позволяла сравнительным методом реконструировать формы пратюркского языка и проследить эволюцию той или иной идиомы, создала базис для сравнительно-исторических исследований конкретных языков. Благодаря классификации осуществляется сама процедура сравнения. А.А. Реформатский опираясь на завет Р. Раска по сравнительному изучению языков предлагает производить сравнение по методу «расширяющихся кругов», т.е. идя от сопоставления ближайшеродственных языков к родству групп и семей, например, русский сопоставлять с украинским; восточнославянские языки – с другими группами славянских; славянские – с балтийскими, балто-славянские с иными индоевропейскими [Реформатский, 1960, с. 331]. Сходную процедуру можно было осуществить по конкретному тюркскому языку на основе подхода А.Н. Самойловича.

В тюркологии обсуждается вопрос диагностических признаков. Имеются в виду позитивные и негативные признаки, по которым группа языков, несколько языков или один язык чётко отграничиваются от всех остальных языков семьи. Диагностическим признаком является типическая языковая черта, имеющая разные сферы проявления. Также речь идёт об учёте по возможности большого количества диагностических признаков в целях количественной оценки степени родства [Щербак, 1994, с. 18, 24-27].

Дифференциальные признаки классификации, установленные на основе систематического изучения древних и современных языков, то есть на базе эмпирического подхода, признаются не всеми. Например, К. Шёниг считает, что невозможно перечислить все вероятные общетюркские особенности, из-за этого они не являются различительными. Автор поясняет своё суждение: особенность называется общетюркской, если она засвидетельствована во всех тюркских языках, или она отсутствует в одном, нескольких, или большинстве языков, что является объяснимым, примеры: глагол **al-* 'брат', числительные от одного до десяти, или прошедшее время на **-di*. Некоторые другие элементы, которые исчезли или значительно изменились в некоторых современных языках могут быть также реконструированы как общетюркские, например, местоимённый аффикс *-n*, формы десятков, обнаруживаемые в древнетюркском и чувашском. Невозможно перечислить все остальные вероятные общетюркские особенности здесь. Поскольку общетюркские особенности не являются различительными (*distinctive*), они не годятся для

внутреннего деления тюркских языков (Turcia). В этой связи необходимо приступить к поиску новых [Schönig, 1999, p. 63]. Вместо классификационных типов: чувашский, огузский, кыргызо-кыпчакский, карлукско-уйгурский, урянхайский, якутский автор вводит другие понятия: общетюркский, стандартный, не стандартный, архаический, центральный, северный, окраинный (не центральный), *-GAn*, западный, восточный язык. Понятия отражают конкретные современные языки [Schönig, 1999, p. 63, 64, 95]. Причём для деления своих понятий К. Шёниг всё же вводит, по существу, дифференциальный признак (хотя и не признаёт его (!) и называет особенностью), например, лингвист пишет: я считаю центральными тюркскими языками (Central Turkic) те языки, где: происходит изменение архаического тюркского (Ancient Turkic) *-d(-)* в *-y(-)*, например, классическая особенность иллюстрируется древнетюркским словом *adak* 'нога' [Schönig, 1999, p. 64]. Для демонстрации деления своих понятий общетюркский, стандартный, не стандартный, архаический, центральный, северный, окраинный (не центральный), *-GAn*, западный, восточный язык автор вводит понятие особенностей, например: герундий на *-p*; *adak* и т.д. [Schönig, 1999, p. 81, 94]. Следует отметить, что такую особенность как *adak* 'нога' К. Шёниг считает отсутствующей в саларском. Однако она обнаруживается в нём в виде *ayax*, *ayux*, *ajex* 'нога' [Новгородов, 2016, с. 59]. Из-за такого подхода в одной группе не стандартных окраинных языков оказываются чувашский и халаджский [Schönig, 1999, p. 95], хотя их дифференциальные и диагностические признаки являются не совместимыми в одном классификационном типе, а устойчивый словарный фонд отличается на 20 пунктов [Новгородов, 2016, с. 130], что является значительной величиной, даже в случае увеличения сравнительного потенциала халаджского путём его включения в огузскую группу. Основательной критике взглядов о помещении халаджского в др. классификационный тип, отличающийся от огузского, подверг А.М. Щербак [Щербак, 1989; Щербак, 1994, с. 30-32]. Для совмещения в одном классификационном типе чувашского и халаджского необходимо привести материальные доводы с позиций принципа историзма. Возможно, они будут обнаружены, тогда речь может идти об ареальных связях чувашского с халаджским, например, включённого в огузский, в рамках тюркского праязыка. На такую возможность указывает большая близость огузского устойчивого словарного фонда к чувашскому, чем к якутскому [Новгородов, 2016, с. 131].

Обращает на себя внимание бинарность (например, И.Х. Аделунг, О.Н. Бётлингк, Ю. Немет, А.Н. Самойлович (1926), К.Г. Менгес (1968), Г. Дёрфер и др.) и многочленность (например, А.Н. Самойлович (1922), Г.И. Рамстедт, М. Ряснен, Р.Р. Арат, И. Бенцинг, К.Г. Менгес (1959), Т. Текин, А. Рона-Таш, А.М. Щербак, Ethnologue) в систематизациях.

Многочленность в классификации возникает в силу того, что в языках по-разному отражаются дифференциальные признаки и имеются или отсутствуют специфические позитивные/негативные диагностические признаки, присущие конкретному языку. Многочленность есть результат различных процессов

дивергенции и конвергенции, происходивших в древности и происходящих в современное время в том или ином языке с позиций диахронии и синхронии.

Идея бинарности возникает вследствие натуралистического (или биологического) направления в языкознании, основоположником которого явился А. Шлейхер, понимающий язык как живой организм, причем не метафорически, а буквально. Из-за этого представление о жизни живого организма переносится на жизнь языка. Языковед представил историю индоевропейских языков в образе генеалогического дерева в виде расщепления и дальнейшего развития, начиная с праязыка, причем каждый раз такое расщепление было разделением на две ветви, что также навеяно биологическими концепциями [Амирова и др., 2005, с. 262-268]. Направление возникло под влиянием естественнонаучных идей Ч. Дарвина. Развитие идей А. Шлейхера обнаруживает связь с материалистической точкой зрения, согласно которой, не существуют сущности, не имеющие физических параметров. Материалисты придерживаются физического объяснения происхождения окружающего мира. С этих позиций язык является материальной сущностью, имеющей довольно тонкую организацию и систему. В конкретном, а не абстрактном проявлении, язык также проходит соответствующие стадии эволюции, вслед за его вполне реальными носителями, которые возникают, развиваются и исчезают. Эволюция последних имеет материальные, исторические причины. Следует уточнить, что язык может быть заимствован и с некоторыми изменениями продолжить своё функционирование в другом народе, отличном от первоначального, где он возник. Кроме того, в современном мире с использованием современных технологий возможна процедура ревитализации языков. В этих случаях язык совсем не исчезает.

Учёные стремятся ответить на вопрос о том, какой из существующих идиомов выделился из праязыка первым, а какой позже всех. Одни считают, что первым произошёл якутский язык (О.Н. Бётлингк), другие – чувашский (булгарский) (А.Н. Самойлович).

Заметим, что Н.Н. Поппе считал, что классификации могут быть только синхроническими или только диахроническими, их совмещение невозможно [Porre, 1965, p. 33]. Из-за смешения двух планов возникают вневременные систематизации, обнаруживающие неточность, усложнение и путаницу. Ранее автор отмечал со всей очевидностью, что классификация языков должна основываться на лингвистических данных [Porre, 1955, p. 14].

В классификациях применяются географические (И.Х. Аделунг) и этнические (Н.А. Баскаков) признаки. Передвижение тюркских народов на громадные расстояния общеизвестно. Поэтому в одной и той же географической зоне могут обнаруживаться разные по происхождению народы, говорящие на различающихся языках. Известно также, что один и тот же народ может называться по-разному. Народы, не являющиеся доминирующими в том или ином регионе, часто используют несколько языков и являются носителями дву- и многоязычия. Со временем может произойти языковой сдвиг при сохранении исконного самоназвания народов. Кроме того, и это касается

народов, упомянутых в древних письменных источниках, в науке часто отсутствуют достоверные сведения об их языковой принадлежности.

Выделяется вопрос включения в классификацию диалектов. Здесь возникает фундаментальная задача разграничения языков и диалектов.

В отечественном языкознании диалект определяется как разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения между лицами, связанными тесной территориальной общностью. Н.Н. Поппе при разграничении языка и диалекта указывал, что речь населения, представленная на определённой территории без лингвистических различий, может рассматриваться как диалект. Диалекты различаются друг от друга фонетически и др. аспектами. Группа диалектов называется языком. Язык различается от другого как лингвистическая единица, характеризующаяся фонетическими, морфологическими, лексическими и иными особенностями, и образует основу всех диалектов, из которых она состоит [Поппе, 1955, р. 14, 15]. Классификация языков должна основываться на лингвистических данных, никакие политические и культурологические доводы не должны приниматься в расчёт в определении языка и диалекта [Поппе, 1955, р. 14].

Очевидно, что развитие диалектов зависит не только от собственно языковых процессов дивергенции и конвергенции, последние связаны не только с миграциями (демографией), но и с таким экстралингвистическим фактором как политика. Идиомы одного и того же языка основы могут оказаться в разных классификационных группах. Например, имеется собственно огузская группа языков, но вместе с тем выделяется хорезмский диалект (наречие) узбекского в Хорезмской области Узбекистана, являющийся огузским по происхождению. Указанный диалект, будучи включённым в узбекский, помещается в карлукско-уйгурскую группу вместе с последним [Насилов, 2002, с. 341, 354]. Однако такая точка зрения разделяется не всеми [Дыбо, 2002, с. 34-35]. Исторически хорезмский диалект узбекского возник в результате сложного политического процесса, когда территория Хорезмской Социалистической Советской Республики, просуществовавшей до осени 1924 года, была разделена между Узбекской ССР (в составе Хорезмской области), Туркменской ССР и РСФСР (Каракалпакской АО). В Хорезмской области, как и по всему Узбекистану, был введён современный узбекский литературный язык с более либеральными, чем в классическом языке, нормами.

Современные методы изучения позволяют разграничить язык и диалект. В якутском языкознании до сих пор продолжается дискуссия о классификационном статусе долганского. Одни считают его диалектом, другие – языком. Якутско-эвенкийские связи возникли после движения предков якутов из Циркумбайкальского региона в центральную Якутию, начиная с XIV века нашей эры. У якутов и эвенков возникло взаимное двуязычие. Особенно интенсивно процесс двуязычия происходил в устье р. Вилюй. Некоторая часть двуязычных якутов перешла на предок современного эвенкийского языка, образовав западное наречие эвенского языка [Novgorodov et al., 2020a]. Эвенкийский язык возник на базе эвенкийского после движения якутов из Циркумбайкальского региона в центральную Якутию [Новгородов, 2021a].

Также некоторая др. часть двуязычных эвенков (долганы) перешла на якутский язык, образовалась своеобразная идиома. Впоследствии, с движением носителей указанной идиомы на Таймыр, и их окончательным смешением с др. эвенками, образовались др. долганские говоры, запустившие процесс образования долганского языка. Следует отметить, что устойчивый словарный фонд якутского и долганского почти одинаковый, он различается на один пункт [Новгородов, 2016, с. 133], но генетически якуты и долганы значительно отличаются, что свидетельствует о языковом сдвиге долган, у которых наблюдается как якутский гаплотип N1c1 (Tat C), так и специфический эвенкийский гаплотип C3c (M 86) [Novgorodov et al., 2020a]. Как видно, в происхождении долганского языка ключевая роль отводится конвергенции, а не дивергенции. Данные генетики являются аргументом в идентификации идиом, с позиций сравнительно-исторического языкознания, опирающегося на принцип историзма.

Следует отметить и то, что одни и те же идиомы называются учёными по-разному, например, саха и якутский; урянхайский и тувинский; карагасский и тофаларский; кашгарский, таранчинский, восточнотюркский (Eastern Turki), тюрки (Turki) и уйгурский. В данном случае возникает задача отождествления и унификации названий языков и групп, в которые они входят.

Оставляя в стороне теоретические вопросы систематизации тюркских языков и переходя к анализу классификационного статуса якутского, замечу, что игнорирование приобщения якутского к тюркским языкам наряду с чувашским, например, И.Н. Березиным, В.В. Радловым было преодолено развитием самой тюркологии. Но вместе с тем, указанный подход И.Н. Березина и В.В. Радлова имеет под собой свои основания. Дело в том, что В.В. Радлов классифицировал тюркские по происхождению языки и считал, что якутский является языком не тюркского происхождения, возникшим вследствие тюркизации первоначально нетюркского народа. По мысли автора, якутский первоначально был языком неизвестного происхождения. На следующем этапе своего развития он подвергся монголизации. И на самом последнем этапе омонголенный народ неизвестного происхождения перешел на тюркский язык. В данном случае теоретически речь идёт о конвергентном происхождении якутского, образовавшегося благодаря нескольким языковым сдвигам. Е. И. Убрятова и её ученица Н.Н. Широбокова, в сущности, продолжили идеи В. В. Радлова о не тюркском происхождении якутов и их языка. По мысли Е. И. Убрятовой, древнеогузский язык распространился среди монголо- и тунгусоязычного населения, и результатом всех процессов явилось возникновение конвергентного по своему происхождению средневекового якутского народа и его языка.

На самом деле, к моменту начала контактов с монголами и тунгусами средневековые якуты идентифицируют себя исконно тюркским этнонимом *саха* (*сахха*). Этот этноним возник из тюркского *ṣakka ‘край’, который развился в як. *саһа* ‘край’, ‘воротник’. Последнее имеет заимствованный аналог: ср. як. *ṣaḥa* ‘край’, проникший из монгольских языков: ср. м.-п. *ṣaka*, монг. *зах*, бур. *заха* ‘край’, в свою очередь эти слова появились в монгольских языках из

тюркских, например, тел. *t'akka*, алт. *d'aka*, др.-тюрк. *jaka* 'край'. Этноним *саха* своеобразно отражается у средневековых монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Первые называют якутов *jaxad* (проникло в русский язык в виде слова *якут* в XVII веке) и *dzaxin ulas*, последние – *jako*. Нетрудно заметить, что в обозначающих якута монгольской производящей основе *jaxa, возникшей из *žaka* 'край', обнаруживается заимствование из трансформированного пратюркского слова *šakka 'край', а тунгусо-маньчжурское *jako* привнесено из монгольского.

В эпоху Средневековья в Евразии произошли крупные события. На курултае монгольских племён в 1206 г., р. Онон, предводитель рода Борджигин Темучин был провозглашён великим каганом – Чингизханом. С его именем связан расцвет Средневековья в Евразии. Возвышение монголов, начавшееся во времена Ляо, отразилось на окружающих их народах, прежде всего тюркских. В результате конвергенции с монгольскими народами, на их языки и культуру перешли буряты, желтые уйгуры и др. Причём первые обнаруживают лингвистические, генетические, антропологические связи с якутами, возникшими до Средневековья в рамках тюркской якутско-бурятской культуры [Новгородов, 2021г, с. 5]. Якутско-монгольские связи происходили в Циркумбайкальском регионе. В якутский язык, как и тувинский, проникло огромное количество монгольских заимствований: 2500. Изучением монгольских заимствований в якутском языке специально занимался польский востоковед Станислав Калужинский. Следует иметь в виду, что грамматический строй якутского языка уже сложился к моменту влияния монголов, так как якутские монголизмы не претерпевают значительных фонетических и морфологических изменений. С монгольским влиянием начинается среднеякутский этап развития якутского языка.

После падения монгольской империи Юань в 1368 г., вследствие возникших крупных беспорядков, демографическая часть якутов мигрировала в Якутию, куда они проникли благодаря связям с тунгусами (эвенками). В Центральной Якутии якуты появились в XIV веке и были представлены кулун-атахской археологической культурой. Появление культуры датируется 1370 г. радиоуглеродным методом. Честь открытия культуры принадлежит якутскому археологу А.И. Гоголеву. Примечательно, что в захоронениях кулун-атахской культуры обнаруживается современный якутский гаплотип N1c1, представленный у 94% современного мужского якутского населения. Указанный гаплотип существенно отличается от монгольского C3d и тунгусского C3c (M-86). Это обстоятельство подрывает взгляды В.В. Радлова, Е.И. Убрятовой, Н.Н. Широбоковой о происхождении якутов и их языка в результате языкового сдвига древних монголов и тунгусов. В новых местах средневековые якутско-эвенкийские связи углубились. В средневековый якутский язык начинают проникать эвенкийские заимствования и их число достигает более 600 к началу XXI века за пределами Якутии. Эвенкизмы были выявлены и изучены автором этих строк. Этот иноязычный слой отражает особенности освоения якутами северных реалий, например, як. *иуиһах*

‘верховой олень’, ср. эвенк. *ууиҫак* в том же значении, як. *labikta* ‘олений мох, ягель’, ср. эвенк. *lavikta* в том значении.

Генетический, археологический и лингвистический анализ показал, что якуты произошли не в результате перехода неизвестного древнего народа, древних монголов и тунгусов на древнеогузскую культуру в древнее время, а вследствие длительной эволюции тюркского по происхождению народа, возникшего в I веке до нашей эры в Монголии.

Представление о древних связях якутского и тюркских языков и об изучении их соотношения может быть почерпнуто из разных классификаций.

Рассмотрим бинарную классификацию Харальда Хаммарстрёма, Роберта Форкеля и Мартина Хаспельмата о разделении пратюркского на две общности: *чувашскую* (относящуюся к древнебулгарскому) и *общетюркскую*, включающую *якутский* (развившегося из северосибирской группы, содержащего также долганский); *центральносибирский*; *огузский*; *туркестанский*; *халаджский*. Систематизация является во многом модернизацией трёхступенчатой бинарной классификации Г. Дёрфера. В его подход были включены как древние, так и конкретные современные языки якутской, южносибирской, уйгурской, кыпчакской, огузской групп общетюркского. Г. Дёрфер не уточняет языки, входящие в якутскую, южносибирскую, уйгурскую, кыпчакскую, огузскую группы. Инновацией явилось также понижение статуса халаджского языка до общетюркского путём отказа от идеи Г. Дёрфера об общетюркском I, возникшего наряду с чувашско-булгарским после распада пратюркского. Согласно классификации Харальда Хаммарстрёма, Роберта Форкеля, Мартина Хаспельмата якутский можно сравнить с любым классификационным типом кроме чувашского.

Идея бинарной классификации на чувашский (булгарский, огузский) и все остальные была выдвинута А.Н. Самойловичем и поддержана Н.Н. Поппе, Л. Юхансоном, А.В. Дыбо, О.А. Мудраком, М. Роббитс и др. А.Н. Самойлович отмечает: «Принятое мною основное деление турецких языков и наречий всего на две только «группы» подкрепляется упомянутой выше новейшей работой Н.Н. Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам», в которой доказывается, что чувашский и булгарский языки восходят не к «пратурецкому» языку («группы з»), а к общему предку этих двух отдельных основных групп» [Самойлович, 1926, с. 4]. Отсюда следует единство тюркских и монгольских языков, из которого постулируется идея родства алтайских языков, а также обосновывается отсутствие единства тюркских языков, так как чувашский и булгарский восходят не к пратюркскому, а к общему предку тюркских и монгольских языков, и отсюда следует особый классификационный статус чувашского языка. Замечу, что Н.Н. Поппе в статье «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам» считал чувашский и булгарский диалектами одной булгарской группы, а не отдельными языками [Поппе, 1924, с. 297] и ничего не пишет о тюркско-монгольском едином праязыке. Он пишет о чувашско-тюркском праязыке: «В настоящей же работе будет сделана попытка доказать, что чувашский язык восходит не к тюркскому праязыку, а к общему предку тюркского и чувашского»

языка» [Поппе, 1924, с. 292, 297]. Об этом же Н.Н. Поппе пишет в др. работах [Porre, 1955, p. 15; Porre, 1965, p.146, 147]. Автор придерживается идеи о чувашско-тюркском единстве, из которой развились пратюркский и прачувашский, предшественники современных тюркских и современного чувашского языков. Автор также является одним из основоположников алтайского языкового родства. Скорее всего идею тюркско-монгольского промежуточного родства А.Н. Самойлович позаимствовал у Б.Я.Владимирцова [Владимирцов, 1989, с. 45, 46].

Лингвистически алтайская гипотеза и идея родства алтайских языков была развенчана и лишена научной состоятельности О.Н. Бётлингком, Дж. Клосоном, Г. Дёрфером, А.М. Щербакком и А.В. Вовиным [Бётлингк 1990, с. 45, 51; Clauson 1962; Doerfer 1963-1975, 1985; Щербак 1997; Щербак, 2005; Vovin 2010]. Необходимо отметить, что характерные особенности чувашского языка в виде ротацизма и ламбдаизма возникли в V веке н.э. в Монголии [Clauson 1962, pp. 38, 39], а не являются наследием алтайского праязыка, которого никогда не было. Замечу также, что возникновение чувашского ротацизма и ламбдаизма связано с комбинаторно-позиционными условиями: первичная долгота гласного, а также инлаут [Щербак, 1970, с. 84-88]. Это подрывает идею о праязыковом происхождении чувашских особенностей. И, следовательно, лишает чувашский его особого классификационного статуса: противопоставление всем тюркским языкам. Связи чувашского и болгарского одними рассматриваются как произвольные [Щербак, 1994, с. 23, 27, 28], другие обнаруживают их преемственность как в рамках алтайского родства, так и отрицания его (А.Н. Самойлович, Н.Н. Поппе, Г. Дёрфер, К. Менгес (1968), А.В. Дыбо, М. Роббитс и др.). Следует отметить древнейшие тюркско-индоевропейские языковые связи [Щербак, 1994, с. 121, 122, 163]. Их последствия обнаруживаются во всех классификационных типах в виде заимствований, с закономерными фонетическими соответствиями. В тюркских языках обнаруживаются слова, имеющие лексические параллели как в *satem*, так и в *centum* индоевропейских языках. Указанные языковые связи хорошо согласуются с данными исследований по популяционной генетике, например, в обнаруженной древнейшей европеоидной генетической примеси у тюркских народов [Pugach et al. 2016, p. 1780, 1788]. Это свидетельствует о том, что формирование пратюркской цивилизации произошло в результате конвергенции европеоидов и монголоидов, в то время как у монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев этого не было [Новгородов и др., 2021в, с. 9]. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии генетического родства тюрков, монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев.

Идея объединения якутского с центральносибирским, огузским, туркестанским и халаджским в рамках общетюркского не состоятельна с точки зрения различия: 1) дифференциальных и диагностических признаков [Щербак, 1994, с. 27-42]; 2) устойчивого словарного фонда (взаимоотношение языков с этой точки зрения будет рассмотрено в многочленной классификации); 3) генетических данных. Прежде чем перейти к разбору последних, необходимо

иметь в виду языковой сдвиг (language shift), приводящий к заимствованию тех или иных идиом.

В зарубежной лингвистике отразилась точка зрения о том, что заимствованный язык (смешанный, креольский или пиджин) не может быть объектом классификации [Sarah et al., 1991, p. 3, 4]. Иными словами, заимствованный, креольский язык или пиджин не может сравниваться с исконными языками в целях реконструкции прошлого состояния языка. В отечественном языкознании в данном случае используются термины субстрата, суперстрата и адстрата, но вопрос классификации заимствованных и исконных языков не ставится, и последующее исключение заимствованных языков из сравнительно-исторического исследования не обсуждается.

Генетическое исследование, проведённое Б. Юнусбаевым [Yunusbayev et al., 2015], показало, что для носителей современных тюркских языков (чуваши; турки, азербайджанцы, гагаузы, туркмены (огузы); башкиры, татары, балкарцы, кумыки, ногайцы, каракалпаки, киргизы, казахи, алтайцы (кыргызо-кыпчаки); узбеки, уйгуры, хакасы (карлуко-уйгуры), тувинцы (урянхайцы) характерно обладание особенностями народов их окружающих. Это свидетельствует о языковом сдвиге указанных тюркских народов, кроме якутов [Yunusbayev et al., 2015, p. 12, 13]. В генетических исследованиях имеется указание на сохранившийся общий европеоидный компонент в ядерном геноме у современных тюрков, доказывающий общий источник их расселения. Но этот исходный компонент минимальный, а основное приобретено за тысячелетия кочевничества и взаимодействия с окружающими популяциями [Yunusbayev et al., 2015, p. 5, 12]. Это значит, что у указанных современных тюркских народов произошел языковой сдвиг и процедура сравнения идиом в целях схематизированного показа сложившегося к определённом времени их распределения и установление пути к выяснению обстоятельств, связанных с таким распределением, становится не возможной. В этой связи, в новом свете и необычном ракурсе возрождаются идеи И.Н. Березина и В.В. Радлова о не включении не исконных языков в классификацию в целях сравнительно-исторических исследований. В этом случае современные языки понимаются как возникшие в результате конвергенции древних тюркских и др. народов, причём последние перешли на тюркские идиомы и утратили свои исконные. Установление времени и места языкового сдвига, выделение сохранившегося иноязычного субстрата и установление особенностей древнетюркского языка или иного тюркского языка, повлиявшего на формирование конкретного языка становится актуальной задачей. Здесь большое значение имеет комплексный меж- и междисциплинарный подход и анализ древних источников.

Говоря о бинарных классификациях и месте чувашского языка в них, нельзя не обойти вниманием идеи И.Х. Аделунга и Ю. Немета. И.Х. Аделунг используя географический принцип, объединил чувашский и якутский в одну подгруппу наряду с чулымским, телеутским и др. в рамках северной группы; последняя была противопоставлена южной группе. Напомним, что классификация была первым опытом систематизации языков. Ю. Немец развивал идею разделения пратюркского на две общности: якутско-чувашскую

и все остальные языки. Взгляды Ю. Немета не трудно поддержать с позиций достижений современной сравнительной тюркологии, например, сквозь призму лингвистического анализа дифференциальных признаков тюркских языков [Новгородов, 1998]. Однако единство якутского и чувашского языков в рамках промежуточного праязыкового состояния оказывается весьма трудно поддержать с точки зрения принципа историзма в настоящее время. Обнаружить материальные доказательства якутско-чувашского промежуточного единства пока не удаётся, например, велики различия в данных генетики современных якутов и чувашей, ср. [Yunusbayev et. al., 2015, p. 5, 12, 13]. Кроме того, данные анализа устойчивого словарного фонда чувашского и якутского свидетельствуют об их полярности, обнаруживается самое большое количество расхождений: 39 пунктов, и соответственно наименьшее количество схождения: 61 пункт [Новгородов, 2016, с. 129]. В настоящее время можно обсуждать обнаруженные древние якутско-чувашские ареальные связи в виде чувашизмов древнеякутского, возникших скорее всего после V века н.э. в Монголии. Например: пратюркский глагол *тюрк. *kās-* ‘копать’ отражается в якутском в виде *has-* ‘копать что глубоко’ и *hor-* ‘копать ров (канаву)’. В последнем прослеживается огубленный гласный, относящийся к древнейшему соответствию огубленных и неогубленных гласных в тюркских языках [Новгородов, 2009, с. 43], а также ротацизм, присущий чувашскому языку, ср. чув. **xar-* ‘копать’ > м.-п.: *xaru-* ‘скоблить’ > як. *xarij-*, *xoruj-* ‘скоблить’, ‘вскапывать’; интересны якутские формы *tül*, *tülük* ‘сновидение’, отражающие чувашский ламбдаизм, ср. тоже чув. *těl’ëk* из *тюрк. *tüš id.

Данные доводы преопределяют перейти от рассмотрения бинарных классификаций к многочленным.

Идея выделения якутского в отдельную группу наряду с др. группами, например, чувашской, огузской, кыргызо-кыпчакской, карлукско-уйгурской, урянхайской, выдвинутая Г.И. Рамstedтом, М. Рясняном, Р.Р. Аратом, Т. Текином, А. Рона-Ташем, А.М. Щербаком весьма плодотворна. Учёные проявляют единодушие в существовании трёх классификационных типов: якутского (северо-восточного, восточно-сибирского, группы *atax*), чувашского (волго-булгарского, гунно-булгарского, группы *r/l*) и древнеогузского (южного, юго-западного, группы *dayli*). Постепенно количество классификационных типов возросло от трёх у Р.Р. Арата до двенадцати у Т. Текина. Взгляд Р.Р. Арата, как считает А.М. Щербак, является по существу переработанным вариантом бинарной классификации А.Н. Самойловича [Щербак, 1994, с. 16]. Следует отметить, что Р.Р. Арат современные тюркские языки рассматривает в качестве трёх наречий: якутского, чувашского и древнеогузского [Arat, s. 139]. Подход Т. Текина, с точки зрения А.М. Щербака: «принципиально мало чем отличается от классификации А.Н. Самойловича, являясь лишь главным образом более дробной. В основе её – признаки, отграничивающие группы, подгруппы и даже отдельные языки: учитываются особенности отражения некоторых согласных и сочетаний гласных с согласными в разных фонетических позициях» [Щербак, 1994, с. 18]. Современные классификации производятся не только на базе фонетических, но и морфологических и

лексических дифференциальных признаков, к которым приобщаются диагностические. Так, в классификации А.М.Щербака принимаются во внимание: 1) фонетический облик слов *ajak* ‘нога’, *tay* ‘гора’, *ayiz* ‘рот’, *oyul* ‘сын’, ‘мальчик’, ‘парень’, *janak* ‘щека’; 2) форма прошедшего перфективного, или прошедшего неочевидного (1-е л. ед.ч.), и формы, выражающие возможность – невозможность совершения действия (1-е л. ед. ч., прошедшее категорическое); 3) слова со значениями ‘отдыхать’, ‘любить, считать подходящим’, ‘сам’ (1-е л. ед. ч.), а также диагностические признаки [Щербак, 1994, с. 24-42]. Строго придерживаясь разграничительных (дифференциальных) и диагностических признаков, можно установить современные классификационные типы: чувашский, огузский, кыргызо-кыпчакский, карлукско-уйгурский, якутский, как таксоны, возникшие в тюркском праязыке и сохранившие старые линии разграничения и не приведшие к образованию новых языковых групп [Щербак, 1994, с. 12, 21]. Замечу, что языковед пратюрков и их язык локализовал в бассейне р. Енисей, в степном регионе, за 7-8 столетий от создания первых письменных памятников [Щербак 1961, с. 160, 161; Щербак 1970, с. 88, 193; Щербак 1994, с. 12]. Иными словами, прародина тюркских народов и их праязык были представлены в Монголии в I веке до н.э. События, происходившие в эту эпоху с тюркскими народами, могут быть названы событиями пратюркского времени, продолжавшегося до I века до н.э., и в этот период возник якутский классификационный тип. Лишь языки смешанной группы алтайско-саянского региона (алтайский, тофаларский, тувинский, уйгуро-урянхайский, хакасский, чулымский, шорский) нуждаются в уточнении их классификационного статуса. Эти языки были отдельно выделены в урянхайский и смешанный классификационные типы [Щербак, 1994, с. 21, 37-41]. Последний возник в результате конвергенции разных тюркских классификационных типов [Щербак, 1994, с. 39]. На базе изучения устойчивого словарного фонда были установлены основы некоторых языков смешанной группы: чулымского и хакасского. Первый был отнесён к уральской группе кыргызо-кыпчакских языков, а второй – к карлукско-уйгурским [Novgorodov et al., 2018; Novgorodov et al., 2020б].

В якутском обнаруживаются не только древние связи с чувашским классификационным типом после V века н.э., но и другими.

Якутско-урянхайские связи постулирует О.А. Мудрак. С точки зрения лингвиста, отделение якутской (сибирской) ветви от основного ствола тюркских языков произошло довольно рано на рубеже нашей эры. Во времена становления второго тюркского каганата происходит разделение пратувинской и праякутской ветвей. В данном случае речь идёт о существовании промежуточного якутско-урянхайского (тувинского) праязыка. Для доказательства якутско-урянхайского промежуточного единства, то есть существования якутско-урянхайской культуры между пратюркским миром и современными реалиями якутов и тувинцев, необходимы материальные доказательства, которые были бы специфичны только для якутов и тувинцев. Однако подобных доказательств нет, и они вряд ли будут обнаружены. У якутов и тувинцев обнаруживается сходство в языке, например, сужение

широкого пратюркского гласного *a в i: як. *sīt-* ‘лежать’, то же тув. *čī't-*. Слово восходит к пратюркскому глаголу **ḡat-* в том же значении. Эти и другие сходные явления якутского и тувинского следует рассматривать как пратюркскую языковую диалектную особенность, возникшую в пратюркское время. Также языковой параллелизм якутского и тувинского языков обусловлен тем, что оба языка подверглись значительному влиянию монгольских языков в средние века: например, якутское *urānxaǰ* ‘старинное название якутского племени’, ‘урянхаец, якут’ переключается с монгольским обозначением тувинцев *urianxaǰ*; якутское и тувинское название рода *tumat* параллельно наименованию монгольской популяции *tūmed*. В целом якутский и урянхайский (тувинский) устойчивый словарный фонд значительно различаются, не сходными являются 23 пункта [Новгородов, 2016, с. 130].

Как было указано, Е.И. Убрятова и Н.Н. Широкова обосновывали и развивали древние якутско-огузские связи, в частности в виде влияния древнеогузского языка на монгольский и тунгусский, в результате которого сформировался якутский язык. Несостоятельность подобного подхода была вскрыта ранее. Связи якутского и огузского (туркменского) языков широко представлены первичной долготой гласных, например, як., турк. *bīl* ‘талия’ (из тюрк. *pāl ‘поясница’). Также в якутском и огузском (турецком) языках обнаруживается, например, общий показатель преждепрошедшего времени (перфект), например, як. *-bit* (*il-bit-im* ‘я уже взял’), тур. *-miş* (*al-miş-im* ‘я уже взял’). Общий показатель перфекта в якутском и огузском языках восходит к *тюрк. *-pīš*. Эти и другие якутско-огузские сходства рассматриваются как результат пратюркских диалектных связей предков якутов и огузов, а не как следствие схождения древних огузов, монголов и тунгусов, итогом которого стало возникновение якутов и их языка, согласно идей Е.И. Убрятовой и Н.Н. Широковой. Дифференциальные признаки современных якутского и огузского таксонов значительно отличаются и поэтому они не объединяются в одну классификационную группу лингвистами. Якутский и огузский устойчивый словарный фонд значительно различаются, не сходными являются 21 пункт [Новгородов, 2016, с. 130].

Известно, что в середине VIII века коалиция уйгуров, басмылов и карлуков разгромила второй тюркский каганат огузов и образовался Уйгурский каганат, который был разгромлен в 840 г. кыргызами, основавшими Кыргызский каганат. Во времена Уйгурского каганата происходят связи древних якутов и уйгуров. Одними учеными эти связи рассматриваются как наследие распавшегося древнеуйгурского языка. Например, известные тюркологи А.Н. Самойлович и Н.А. Баскаков относят якутский к уйгурской группе в своих классификациях тюркских языков. Другие лингвисты придерживаются устаревших идей В.В. Радлова о тюркизации (уйгуризации) якутов наряду с тувинцами, например, московский тюрколог, профессор И. В. Кормушин, председатель Российского комитета тюркологов при отделении историко-филологических наук РАН. Мысль о возникновении древнеякутского языка вследствие распада древнеуйгурского языка наталкивается на различие в классификационных признаках якутского и

древнеуйгурского языков. Эти обстоятельства создают препятствия идее возникновения якутского вследствие распада древнеуйгурского языка. Поэтому предпочтительнее говорить о контактах древних уйгуров и древних якутов. Якутский диалектолог С. А. Иванов установил, что происхождение якутских акающего и окающего диалектов произошло не в Якутии, а на юге, в Циркумбайкальском регионе. Причём первичным является акающий диалект. Что касается происхождения окающего якутского диалекта, то он возник, на мой взгляд, вследствие влияния на древнеякутский древнеуйгурского языка, в котором также обнаруживается явление оканья. Данное явление в тюркологии известно в виде уйгурского умлаута второго типа: губной гласный непервого слога вызывает лабиализацию (огубление) широкого нелабилизованного гласного первого слога: ср. як. *xārij-*, *xōrij-* ‘наскоро зажарить, поджарить’, ср. др.-уйг. *qayur-*, *qoyur-* ‘жарить, калить’ из *тюрк. *kaγir-* в том же значении. Якутский и уйгуро-карлукский устойчивый словарный фонд значительно различаются, не сходными являются 18 пунктов [Новгородов, 2016, с. 131].

Связи якутского и кыргызо-кыпчакских языков в основном не рассматриваются лингвистами, так как со времени А.Н. Самойловича было ясно, что указанные языки значительно отличаются и относятся к различным классификационным типам. Но вместе с тем, языковедами предпринимаются попытки установить связи якутского, например, в рамках смешанной группы (Ф.Е. Корш), Д группы северных диалектов (Й. Бенцинг) и северной группы (Ethnologue) с южными и северными диалектами алтайского. Данный подход был предопределён дискуссионным статусом южных и северных диалектов алтайского. Примечательно, что сюда же относится и классификационный статус шорского. Следует отметить, что южные диалекты алтайского относят к кыргызо-кыпчакской группе, в то время как северные диалекты алтайского наряду с шорским – к смешанной [Щербак, 1994, с. 34, 39]. Ранее было отмечено, что происхождение смешанной группы связано с конвергенцией и первоначальный классификационный статус северных диалектов алтайского и шорского языков предстоит изучить. Но независимо от этого уже сейчас ясно, что якутский, северные диалекты алтайского и шорский языки относятся к различным классификационным типам на основании предварительного изучения данных устойчивого словарного фонда. Результаты исследования будут опубликованы. К сожалению, прямых письменных свидетельств, оставленных самими древними кыргызами в эпоху их великодержавия в период Кыргызского каганата не обнаружено. Обсуждаются енисейские рунические надписи, которые были представлены на территории Кыргызского каганата. Однако они отражают особенности древнеогузского и древнеуйгуро-карлукского языков. Предметом длительной дискуссии является Суджинская надпись, рассматриваемая как письменное свидетельство Кыргызского каганата. Между тем, она относится к разряду древнеуйгурских свидетельств. Тем не менее тесные связи древних якутов с древними кыргызо-кыпчаками существовали, о чём свидетельствует сохранившийся в якутских преданиях и легендах этноним *кыргыз* ‘киргиз’, ‘тюркоязычный народ, населявший верховья Енисея в VIII-IX веках’. С завершением эпохи Кыргызского

великодержавья заканчивается древнетюркское время. Следует подчеркнуть, что из всех современных тюркских таксонов ближе всего к якутскому устойчивому словарному фонду относится кыргызо-кыпчакский, не сходными являются 6 пунктов [Новгородов, 2016, с. 131].

Анализ связей древнеякутского языка с тюркскими идиомами свидетельствует о том, что якутский имел связи с древними тюркскими языками и произошёл в древнейшее, пратюркское время [Щербак, 1994, с. 12], о чём свидетельствуют сохранившиеся праязыковые ареальные явления, характерные для якутского и тувинского, а также якутского и огузского.

Идея противопоставления якутского всем тюркским языкам и мысль о том, что якуты первые отделились от единой праякутско-турской семьи, выдвинутая О.Н. Бётлингом, весьма плодотворна. Замечу, что языковед не оставил никаких прямых свидетельств и доводов этого события, кроме того, что якутский значительно отличается от других тюркских языков.

Генетики доказали, что якуты, тувинцы и буряты были по происхождению тюрками, как и типично тюркский народ алтайцы. Данное заключение обосновывается установленной древней европеоидной генетической примесью, обнаруженной у якутов, тувинцев и алтайцев, а также бурятов, последние первоначально были тюрками и пережили языковой сдвиг [Rugach et al., 2016, p. 1780, 1788]. Данное положение окончательно опровергает идеи В.В. Радлова о не тюркском происхождении якутов. Таким образом, взгляд о не тюркском происхождении якутов и их языка окончательно подрывается как по воззрению самого В.В. Радлова, так и по продолжателям его идей.

Относительное время отделения якутского от пратюркского можно установить, на мой взгляд, опираясь на негативный диагностический признак. Дело в том, что якутский обладает этим специфическим признаком: отсутствие прямых древних китайских заимствований. Напротив, позитивным диагностическим признаком: наличие прямых древних китайских заимствований обладают все остальные классификационные типы. В первом веке до нашей эры начинаются связи древних тюркских народов с Китаем. В древнеогузских рунических памятниках Монголии С.Е. Яхонтов обнаружил прямые заимствования из древнекитайского языка, например, *biti*- ‘вырезать надпись, писать’ из кит. *би*, *piet* ‘кисть для письма’; *qunčij* ‘принцесса, младшая родственница ханской крови, женщина знатного происхождения’ из кит. *гунчжу*, *коң-сү* ‘принцесса, царевна’. Данные факты свидетельствуют о тесных и продолжительных контактах носителей древнекитайской культуры и создателей древних тюркских рунических надписей на стелах Монголии. Некоторые из этих слов обнаруживаются в современных тюркских языках, например, тув. *qunčiyu* ‘свекровь’. Это наводит на мысль о прямых древних контактах китайцев и тувинцев. Интересно, что в истории чувашского языка обнаруживаются прямые древние китайские заимствования, например, чув. *kunə* ‘вышивка’, ср. др.-уйг. *kujn* в *kujn bitig* ‘свиток’ из кит. *цзюань*, *kyæp* id.; др.-чув. *žinžü ‘жемчуг’ (ср. венг. *gyöngy* id.), чув. *änče* id. из тат. *enje* id., ср. тел. *jinji* ‘бусы’, др.-уйг. *jenčü* ‘жемчуг’, ‘наложница’ из кит. *чжэньчжу*, *čünčü*

‘жемчужина’. В якутском языке указанные прямые китайские заимствования отсутствуют. Китаизмы проникают в якутский язык, например, при древнеуйгурском или монгольском посредстве в средние века, например, як. *bičik* ‘узор, украшение’ из мо.: м.-п. *bičig* ‘письмо’ из др.-уйг. *bitig* ‘книга, надпись’ образовано от др.-уйг. глагола *biti-* ‘вырезать надпись’ из кит. *би, pjet* ‘кисть для письма’ + тюркская форма отыменного образования глаголов *-i*; як. *luo* ‘дракон’ из мо.: м.-п. *lū* ‘дракон’ из др.-уйг. *lū* ‘дракон’ из кит. *лун, luŋ* ‘дракон’. Следовательно, предки якутов не находились в прямом этническом контакте с китайским языковым миром в древнее время, в то время как, например, в чувашском, тувинском (урянхайском), татарском (кыргызо-кыпчакском), древнеуйгурском (карлукско-уйгурском), руническом из Монголии (древнеогузском) языках обнаруживаются заимствования, проникшие непосредственно из древнекитайского языка, что свидетельствует о прямых контактах предков чувашей, тувинцев, татаров и древних огузов и уйгуров с Китаем в древности. В литературе вопроса отмечается, что контакты тюркских племен с китайским языковым миром впервые начались в 49 году до нашей эры, когда в китайских летописях впервые появляется тюркский этноним *гяньгунь* (*кыргыз, qirqiz*) [Яхонтов, 1986]. По-видимому, эту дату можно считать началом китайско-тюркских языковых контактов, относительным временем распада пратюркской языковой общности и началом формирования древнеякутского языка. Иной точки зрения придерживаются, например, Н.В. Choi и А.В. Дыбо [Choi, 1988; Choi, 1991; Choi, 1992; Дыбо, 2007, с. 66-75], обосновывающие возможность влияния китайского языка на тюркский праязык. Например, А.В. Дыбо считает возможным, что в якутском языке, наряду с другими тюркскими языками, гипотетически обнаруживаются древнейшие заимствования из китайского языка, всего 6 слов: *alaha* ‘хижина’, *kötiis* ‘серебро’, *timir* ‘железо’, *bī* ‘? титул’, *serī* ‘войско’, *küj* ‘? мотив’ [Дыбо, 2007, с. 67, 68, 72]. Однако, некоторые из приведенных слов считаются проникшими из других языков. Например, як. *serī* ‘войско’, ср. скр. *ksatrika* проникло в тюркские языки из древнего индоевропейского языка. Якутские слова *bī* и *küj* в указанных значениях в известном своей полнотой «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского не обнаружены. Слова *alaha*, *timir* имеют собственно тюркское происхождение по материалам «Этимологического словаря тюркских языков»: [ЭСТЯ, 1974, с. 130-132; ЭСТЯ, 1978, с. 188-190]. Якутское *kötiis* не имело развития из формы с чувашским ламбдаизмом *kēmeļ* ‘серебро’, что подрывает версию происхождения из древнекитайской композиты **kiät* ‘металл’ и *liäi* ‘чистое серебро’ [ЭСТЯ, 1997, с. 141, 142].

В изучении прямых древнейших связей тюркских языков с индоевропейскими и относительно древних прямых связей тюркских языков с китайским языковым миром выявляется картина того, что индоевропейское и китайское языковое влияние на тюркские языки разграничивает их. Так, предки якутов находились в сфере влияния древних индоевропейцев и не подвергались прямому китайскому влиянию, в то время как остальные носители тюркских языков вступали в контакты и с индоевропейцами, и с китайцами.

С началом формирования тюркско-китайских связей возникло древнетюркское время в Евразии.

Conclusion (Заключение)

Обзор классификаций, результатов сравнительного исследования показал, что якутский язык обнаруживает древнейшие связи в пратюркское время с огузским и урянхайским таксонами до I века до н.э. в Монголии. Генетические исследования выявили у якутов древнейшую европеоидную примесь наряду с тувинцами, алтайцами и бурятами. Последнее обстоятельство является аргументом в пользу древнейшего происхождения якутов в пратюркское время в Монголии. События древнетюркского времени отразились в якутском языке в виде связей с древними чувашами, уйгурами, кыргызами и бурятами. Средневековые связи якутов характеризуются языковым монгольским влиянием и эвенкийским взаимодействием. В Новое время возникают якутско-русские отношения в Якутии в XVII веке. На фоне приведённых данных классификационный тип якутского находится в одном ряду с чувашским, огузским, урянхайским, курлукско-уйгурским, кыргызо-кыпчакским таксонами, возникшими в пратюркском языке. В целом тюркская языковая классификация относится к многочленным, а не бинарным систематизациям. Якутский язык относительно рано выделился из пратюркского в I веке до н.э. в Монголии. На основании этих данных представлены основные периоды в истории якутского языка: 1) пратюркское время: до I века до н.э., Монголия, якутский классификационный тип; 2) древнетюркское время: с I века до н.э., Монголия до X века н.э., Циркумбайкальский регион, древнеякутский язык; 3) Средневековье: с X века, Циркумбайкальский регион до XVII века, Якутия, среднеякутский язык; 4) Новое время: с XVII века, Якутия до современной Республики Саха в составе Российской Федерации, якутский язык.

Библиографический список

- Алексеев, Н.А., Романова, Е.Н., Соколова, З.П.* (ред.). Якуты (Саха). М., Наука, 2012. 599 с.
- Амирова, Т.А., Ольховиков, Б.А., Рождественский, Ю.В.* История языкознания. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
- Бенвенист, Э.* Классификация языков. В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 36-59.
- Бенвенист, Э.* Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974. 447 с.
- Бётлингк, О.Н.* О языке якутов. Перевод с немецкого доктора филологических наук В.И. Рассадина. Наука: Новосибирск, 1990. 645 с.
- Владимирцов, Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.: Наука, 1989. 438 с.
- Дыбо, А.В.* Огузская группа. Фонетика. В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2002. 767 с. С. 10-94.
- Дыбо, А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007. 223 с.
- Комри, Б.* Язык и доистория: к междисциплинарному подходу // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 28-31.
- Насилов, Д.М.* Карлукско-уйгурская группа. Диалектный материал. В кн.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., Наука, 2002. 767 с. С. 339-341. С. 345-354.

- Новгородов, И.Н.* Об относительной хронологии якутского языка с точки зрения его дифференциальных признаков. Г.В. Ксенофонтов: Возвращение к себе. М., Айыына, 1998. С. 105-112
- Новгородов, И.Н.* Якутско-эвенкийские языковые контакты. Якутск: СМУК-Master, 2009. 248 с.
- Новгородов, И. Н.* Устойчивый словарный фонд тюркских языков. Якутск: Смик, 2016. 144 с.
- Новгородов, И. Н.* Международный научный симпозиум «Устойчивый словарный фонд тюркских языков как источник междисциплинарных комплексных исследований» // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* 2017. № 3. С. 118-125.
- Новгородов, И.Н.* Устойчивый словарный фонд в генетической классификации на примере восточного наречия эвенского языка // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* 2021. № 2. С. 36-50. (а)
- Новгородов, И.Н., Заксор, Л.Ж.* Нанайский язык в генетической классификации // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* 2021. № 3. С. 44-71. (б)
- Новгородов, И.Н., Захарова, А.Е.* Отражение древнейших тюрко-индоевропейских связей у якутов, татар и чувашей: лингвистика, фольклор, антропология, археология и генетика (к постановке проблемы). Программа Всероссийской научно-практической конференции «Татары и чуваша – ветви одного древа» 7-8 октября 2021 г., Чебоксары-Казань. 11 с. (в)
- Новгородов, И.Н.* Якутско-бурятско-эвенкийские связи: две лексические параллели. Программа Всероссийской научно-практической конференции «Языковое и этнокультурное разнообразие коренных малочисленных народов Восточной Сибири» Иркутск, 10-12 ноября 2021 г. Иркутск, Иркутский государственный университет. 8 с. (г)
- Понне, Н. Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // I, II, *Известия Российской Академии Наук.* VI серия, 1924, том 18, выпуск 12-18. С. 289-314.
- Реформатский, А.А.* Введение в языковедение. М.: Государственное издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. 431 с.
- Самойлович, А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков. Бюллетень организационной комиссии по созыву I-го Всесоюзного тюркологического съезда. Баку, 28 февраля 1926 г., № 2. С. 3-6.
- Щербак, А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках. В кн: Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Издательство академии наук СССР, 1961. 467 с. С. 82-172
- Щербак, А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 210 с.
- Щербак, А.М.* Рецензия на Doerfer G. *Mongolo-Tungusica.* – Wiesbaden, 1985. 307 S. // *Вопросы языковедения.* 1989. № 6. С. 132-135.
- Щербак, А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 191 с.
- Щербак, А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
- Щербак, А.М.* Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., Наука, 2005. 195 с.
- Яхонтов, С.Е.* Языки северных соседей китайцев в I тыс. до н.э. Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы докладов XXIX международной алтаистической конференции (PIAC) Ташкент, сентябрь 1986 г. М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 73-75.
- Arat, A. A.* Turk şivelerinin tasnifi. 139 s.
- Blažek, V.* in collaboration with Michal Schwarz and Ondřej Srba. *Altaic Languages. History of research, survey, classification and a sketch of comparative grammar.* Brno, Masaryk University Press, 2019. 358 p.
- Choi Han Woo.* On some Chinese loanwords in Uighur // *Central Asiatic Journal.* 1988. Vol. 32. Issue 3-4. P. 161-169.

- Choi Han Woo*. Newly identified Chinese loanwords in Uighur // *Central Asiatic Journal*. 1991. Vol. 34. P. 41-47.
- Choi Han Woo*. Newly identified Chinese loanwords in Divanu lugat-it-Turk // *Central Asiatic Journal*. 1992. Vol. 36. Issue 3-4. Pp. 187-198.
- Clauson, G.* Turkish and Mongolian Studies. London, Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1962. 261 p.
- Doerfer, G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I-IV, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963–1975. Bd. I, 1963. — 560 S., Bd. II, 1965. — 671 S., Bd. III, 1967. — 670 S., Bd. IV, 1972. — 650 S.
- Doerfer, G.* Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türksprachen // *Rocznik Orientalystyczny*, 1978, T. XXXIX, 2. S. 15-31.
- Doerfer, G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 307 S.
- Ethnologue* [Электронный ресурс] URL: <https://www.ethnologue.com/subgroups/turkic> (дата последнего обращения 16.11.2021)
- Novgorodov, I., Efremov N., Ivanov S. and Lemskaya V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig–Jakarta List // *Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). Pp. 286-295.
- Novgorodov I., Nazmutdinova, T., Petrov, A. Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // *Lecture Notes in Networks and Systems*, Springer Nature Switzerland AG (2020), vol. 131. Pp. 1108-1116. (a)
- Novgorodov, I., Kukaeva, S., CHumakaev, A., Efremov, Ni. and Borgoyakov, V.* Khakas as the Karluk-Uighur Language According to the Leipzig–Jakarta List // *Lecture Notes in Networks and Systems*, Springer Nature Switzerland AG (2020), vol. 131, pp. 1124-1132. (б)
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Poppe, N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1965. 212 p.
- Pugach, I., Matveev, R., Spitsyn, V., Makarov, S., Novgorodov, I., Osakovsky, V., Stoneking, M., Pakendorf, B.* The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations // *Molecular Biology and Evolution* 2016, Jul; 33(7). P. 1777–1795.
- Radloff, W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Lu le 15/28.XI.1906). St.-Pbg., 1908 (SAH.–Cep.VIII, VIII.–№7). 86 S.
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Rona-Tash, A.* An Introduction to Turcology. Szeged, 1991. 170 p.
- Sarah Grey Thomason, Terrence Kaufman.* Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley: University of California Press, 1991. 411 p.
- Schönig, C.* The internal division of modern Turkic and its historical implications // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. 52 (1).1999. P. 63-95.
- Tadmor, U.* Loanwords in the world's languages: findings & results. Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.
- Vovin, A.* Korea-Japonica: a re-evaluation of a common genetic origin. Honolulu: University of Hawai'i Press : Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 2010. 278 p.
- Yunusbayev, B., Metspalu, M., Metspalu, E., Valeev, A., Litvinov, S., Valiev, R., Akhmetova, V., Balanovska, E., Balanovsky, O., Turdikulova, SH., Dalimova, D., Nymadawa, P., Bahmanimehr, A., Sahakyan, H., Tambets, K., Fedorova, S., Barashkov, N., Khidiyatova, I., Mihailov, E., Khusainova, R., Damba, L., Derenko, M., Malyarchuk, B., Osipova, L., Voevoda, M., Yepiskoposyan, L., Kivisild, T., Khusnutdinova, E., Villems, R.* The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia // *Plos Genetics*. Volume 11 Issue 4, Article Number e1005068, DOI 10.1371/journal.pgen.1005068, опубликовано в апреле 2015. 24 p.

Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с. [ЭСТЯ, 1974].

Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с. [ЭСТЯ, 1978].

Левитская, Л. С., Дыбо А.В., Рассадин В.И. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М., Языки русской культуры, 1997. 363 с. [ЭСТЯ, 1997].

Abbreviations (Сокращения)

алт. – алтайский язык

бур. – бурятский язык

др.-уйг. – древнеуйгурский язык

др.-чув. – древнечувашский язык

кит. – китайский язык

м.-п. – монгольский письменный язык

мо. – язык, относящийся к монгольской языковой семье

монг. – монгольский язык

тат. – татарский язык

тел. – телеутский праязык

тув. – тувинский язык

тур. – турецкий язык

турк. – туркменский язык

*тюрк. – тюркский праязык

чув. – чувашский язык

эвенк. – эвенкийский язык

як. – якутский язык

References

Alekseev N.A. Romanova E.N., Sokolova Z.P. (eds.). The Yakuts (The Sakha). Moscow, Nauka, 2012. 599 p. (in Russian)

Amirova T.A., Olkhovikov B.A., Rozhdestvensky Yu.V. Istoriya yazykoznaniiya [A history of linguistics]. M., Publishing Center "Academy", 2005. 672 p. (in Russian)

Arat A. A. Turk şivelerinin tasnifi. 139 s. (in Turkish)

Benveniste E. Klassifikaciya yazykov. V kn.: Novoe v lingvistike [Classification of languages. In the book: New in linguistics]. Issue III. M., 1963. Ss. 36-59. (in Russian)

Benveniste E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. M., Progress, 1974. 447 p. (in Russian)

Blažek, V. in collaboration with Michal Schwarz and Ondřej Srba. Altaic Languages. History of research, survey, classification and a sketch of comparative grammar. Brno, Masaryk University Press, 2019. 358 p.

Bötlingk O.N. O yazyke yakutov. Perevod s nemeckogo doktora filologicheskikh nauk V.I. Rassadina [About the Yakut language. Translated from German by V.I. Rassadin]. Novosibirsk, Nauka, 1990. 645 p. (in Russian)

Choi Han Woo. On some Chinese loanwords in Uighur // Central Asiatic Journal. 1988. Vol. 32. Issue 3-4. P. 161-169.

Choi Han Woo. Newly identified Chinese loanwords in Uighur // Central Asiatic Journal. 1991. Vol. 34. P. 41-47.

Choi Han Woo. Newly identified Chinese loanwords in Divanu lugat-it-Turk // Central Asiatic Journal. 1992. Vol. 36. Issue 3-4. P. 187-198.

Clauson, G. Turkish and Mongolian Studies. London, Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1962. 261 p.

- Comrie, B.* YAzyk i doistoriya: k mnogodisciplinarnomu podhodu [Language and prehistory: towards a multidisciplinary approach] // *Voprosy yazykoznanija*, 2000, № 5. Ss. 28-31. (in Russian)
- Doerfer, G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I-IV, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963–1975. Bd. I, 1963. — 560 S., Bd. II, 1965. — 671 S., Bd. III, 1967. — 670 S., Bd. IV, 1972. — 650 S. (in German)
- Doerfer, G.* Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türksprachen // *Rocznik Orientalystyczny*, 1978, T. XXXIX, 2. S. 15-31. (in German)
- Doerfer, G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 307 S. (in German)
- Dybo, A.V.* Oguzskaya gruppa. Fonetika. V kn.: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov* [The Oguz group. Phonetics. In the book: Comparative-historical grammar of the Turkic languages]. M., Nauka, 2002. 767 p. P. 10-94. (in Russian)
- Dybo, A.V.* Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskij fond [Linguistic contacts of the early Türks. Lexical fund.]. M., 2007. 223 p. (in Russian)
- Ethnologue.* [Electronic resource] URL: <https://www.ethnologue.com/subgroups/turkic> (date of the application 16/11/2021) (in Russian)
- Nasilov, D.M.* Karluksko-ujgurskaya gruppa. Dialektnyj material. V kn.: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov* [The Karluk-Uyghur group. Dialectal material. In the book: Comparative-historical grammar of the Turkic languages]. M., Nauka, 2002. 767 p. P. 339-341. Pp. 345-354. (in Russian)
- Novgorodov, I.N.* Ob otnositel'noj hronologii yakutskogo yazyka s tochki zreniya ego differencial'nyh priznakov. G.V. Ksenofontov: *Vozvrashchenie k sebe* [On the relative chronology of the Yakut language from the point of view of its differential features. In the book: G.V. Ksenofontov: Return to himself]. M., Ajyyna, 1998. 125 p. P. 105-112. (in Russian)
- Novgorodov, I.N.* YAkutsko-evenkijskie yazykovye kontakty [The Yakut-Evenki language contacts]. YAkutsk, CMYK-Master, 2009. 248 p. (in Russian)
- Novgorodov, I. N.* Ustojchivyy slovarnyj fond tyurkskih yazykov [The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages.]. YAkutsk: Smik, 2016. 144 p. (in Russian)
- Novgorodov, I. N.* Mezhdunarodnyj nauchnyj simpozium «Ustojchivyy slovarnyj fond tyurkskih yazykov kak istochnik mezhdisciplinarnyh kompleksnyh issledovanij» [The International Scientific Symposium "The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages as a source of interdisciplinary complex research"] // *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 2017. Issue 3. P. 118-125. (in Russian) (a)
- Novgorodov, I., Efremov, N., Ivanov, S. and Lemskaya, V.* A Relationship of Chulym Turkic to the Peripheral and Uralian Kipchak Languages According to the Leipzig–Jakarta List // *Advances in Intelligent Systems and Computing* 677, (2018). P. 286-295.
- Novgorodov, I., Nazmutdinova, T., Petrov, A., Zaksor, L., and Nesterova, E.* The Arctic Altaic languages // *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 131. Springer Nature Switzerland AG (2020). P. 1108-1116. (a)
- Novgorodov I., Kukaeva S., CHumakaev A., Efremov Ni. and Borgoyakov V.* Khakas as the Karluk-Uighur Language According to the Leipzig–Jakarta List // *Lecture Notes in Networks and Systems*, Springer Nature Switzerland AG (2020), vol. 131, p. 1124-1132. (б)
- Novgorodov, I.N.* Ustojchivyy slovarnyj fond v geneticheskoy klassifikacii na primere vostochnogo narechiya evenskogo yazyka [The Leipzig-Jakarta list in genetic classification on the example of the eastern dialect of the Even language] // *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2021. Issue 2. P. 36-50. (in Russian) (a)
- Novgorodov, I.N., Zaksor, L. ZH.* Nanajskij yazyk v geneticheskoy klassifikacii [The Nanai language in genetic classification] // *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 2021. Issue 3. Pp. 44-71. (in Russian) (б)
- Novgorodov, I.N., Zaharova, A.E.* Otrazhenie drevnejshih tyurko-indoevropskih svyazej u yakutov, tatar i chuvashej: lingvistika, fol'klor, antropologiya, arheologiya i genetika (k postanovke problemy). Programma-priglasenie Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Tatary i

- chuvashi – vetvi odnogo dreva» 7–8 oktyabrya 2021 g., CHEboksary-Kazan' [Reflection of the most ancient Turkic-Indo-European ties among the Yakuts, Tatars and Chuvashes: linguistics, folklore, anthropology, archeology and genetics (to the formulation of the problem). Invitation program of the All-Russian scientific-practical conference "Tatars and Chuvash - branches of the same tree" October 7-8, 2021, Cheboksary-Kazan]. 11 p. (in Russian) (B)
- Novgorodov, I.N.* YAkutsko-buryatsko-evenkijskie svyazi: dve leksicheskie paralleli. Programma Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Yazykovoe i etnokul'turnoe raznoobrazie korennyh malochislennyh narodov Vostochnoj Sibiri» Irkutsk, 10-12 noyabrya 2021 g. Irkutsk, Irkutskij gosudarstvennyj universitet [The Yakut-Buryat-Evenk connections: two lexical parallels. Program of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Linguistic and Ethnocultural Diversity of the Indigenous Minorities of Eastern Siberia" Irkutsk, November 10-12, 2021]. Irkutsk, Irkutsk State University. 8 p. (in Russian) (r)
- Poppe, N. N.* CHuvashskij yazyk i ego otnoshenie k mongol'skomu i tureckim yazykam [The Chuvash language and its relation to Mongolian and Turkic languages] // I, II, Izvĕstiya Rossijskoj Akademii Nauk. VI series, 1924, vol. 18, issue 12-18. P. 289–314. (in Russian)
- Poppe, N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, Suomalai-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Poppe, N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1965. 212 p.
- Pugach, I., Matveev, R., Spitsyn, V., Makarov, S., Novgorodov, I., Osakovsky, V., Stoneking, M., Pakendorf, B.* The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations // Molecular Biology and Evolution 2016, Jul; 33(7). P. 1777–1795.
- Radloff, W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Lu le 15/28.XI.1906). St.–Pbg., 1908 (SAH.–Cep.VIII, VIII.–№7). 86 S. (in German)
- Reformatskij, A.A.* Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1960. 431 p. (in Russian)
- Robbeets, M.* Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015. 550 p.
- Rona-Tash, A.* An Introduction to Turcology. Szeged, 1991. 170 p.
- Samojlovich, A.N.* K voprosu o klassifikacii tureckih yazykov. Byulleten' organizacionnoj komissii po sozyvu I-go Vsesoyuznogo tyurkologicheskogo s"ezda [On the question of the classification of Turkic languages. Bulletin of the organizational commission for the convocation of the 1st All-Union Turkological Congress]. Baku, 28/02/1926, № 2. Pp. 3-6. (in Russian)
- Sarah Grey Thomanson, Terrence Kaufman.* Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley: University of California Press, 1991. 411 p.
- Schönig, C.* The internal division of modern Turkic and its historical implications // Acta Orientalia Hungarica. Vol. 52 (1).1999. P. 63–95.
- SHCHerbak, A.M.* Nazvaniya domashnih i dikih zhivotnyh v tyurkskih yazykah. V kn: Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskih yazykov [The names of domestic and wild animals in the Turkic languages. In the book: Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. M., Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1961. 467 p. P. 82-172. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Sravnitel'naya fonetika tyurkskih yazykov [Comparative phonetics of the Turkic languages]. L., Nauka, 1970. 210 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Recenziya na Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. 307 S. [Review of Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985.307 S.] // Voprosy yazykoznaniya. 1989, № 6. P. 132-135. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskih yazykov [Introduction to the Comparative Study of Turkic Languages]. SPb, Nauka, 1994. 191 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A. M.* Rannie tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian linguistic ties (VIII-XIV centuries)]. SPb, ILI RAN, 1997. 292 p. (in Russian)
- SHCHerbak, A.M.* Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skih yazykov [Turkic-Mongolian linguistic contacts in the history of the Mongolian languages]. SPb, Nauka, 2005. 195 p. (in Russian)

Tadmor, U. Loanwords in the world's languages: findings & results // Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2009. 1081 p.

Vladimircov, B.YA. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics]. M., Nauka, 1989. 438 p. (in Russian)

Vovin, A. Korea-Japonica: a re-evaluation of a common genetic origin. Honolulu: University of Hawai'i Press : Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 2010. 278 p.

YAhontov, S.E. YAzyki severnyh sosedej kitajcev v I tys. do n.e. Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altajskoj yazykovej obshchnosti: tezisy dokladov XXIX mezhdunarodnoj altaisticheskoy konferencii (PIAC) Tashkent, sentyabr' 1986 g. [Languages of the northern neighbors of the Chinese in the 1st millennium BC. In the book: Historical and cultural contacts of the peoples of the Altai linguistic community: abstracts of the XXIX Permanent International Altaistic Conference (PIAC) Tashkent, September 1986]. M., Nauka, 1986. Vol. 1. 134 p. P. 73-75. (in Russian)

Yunusbayev, B., Metspalu, M., Metspalu, E., Valeev, A., Litvinov, S., Valiev, R., Akhmetova, V., Balanovska, E., Balanovsky, O., Turdikulova, SH., Dalimova, D., Nymadawa, P., Bahmanimehr, A., Sahakyan, H., Tambets, K., Fedorova, S., Barashkov, N., Khidiyatova, I., Mihailov, E., Khusainova, R., Damba, L., Derenko, M., Malyarchuk, B., Osipova, L., Voevoda, M., Yepiskoposyan, L., Kivisild, T., Khusnutdinova, E., Villems, R. The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia // Plos Genetics. Volume 11 Issue 4, Article Number e1005068, DOI 10.1371/journal.pgen.1005068, printed in April 2015. 24 p.

Lexicographic sources

Sevortyan, E. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [An Etymological dictionary of the Turkic languages. All-Turkic and cross-Turkic stems starting with vowels]. Nauka, Moscow (1974). 767 p. (in Russian) [ESTJ 1974].

Sevortyan, E., Gadzhieva, N (ed). Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B" [An Etymological dictionary of the Turkic languages. All-Turkic and cross-Turkic stems starting with letter «B»]. Nauka, Moscow (1978). 349 p. (in Russian) [ESTJ 1978].

Levitskaya, L.S., Dybo, A.V., Rassadin, V.I. Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K", "Q" [An Etymological dictionary of the Turkic languages. All-Turkic and cross-Turkic lexical stems starting with letters «K», «Q»]. Yazyki russkoy kultury, Moscow (1997). 363 p. (in Russian) [ESTJ 1997].